

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-219-229

Языковой национализм как социокультурный феномен

Дегтярев А.К.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
Россия, 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
E-mail: rse1985@mail.ru

Аннотация. Языковой национализм – социокультурный феномен современного общества – не исследован в научном дискурсе, так как не может быть «раскодирован» на уровне плодотворных, но специализированных социолингвистических работ, не претендующих на социально-философское понимание. В рамках представленной статьи, исходя из определения языкового национализма как ветви развития национализма в эпоху поздней современности, обосновано положение о переходе от этнического национализма к языковому с опорой на действия от «социо» к культуре – в отличие от этнонационализма, делающего язык «субстанцией» этнонационального государства. Сделан вывод о том, что языковой национализм не является безобидной версией национализма, так как на уровне маргинальных групп становится инструментом получения социальных предпочтений через национальный язык и может являться источником напряженности в межнациональных отношениях, особенно в условиях становления многонациональных и многокультурных государств.

Ключевые слова: языковой национализм, этнический национализм, социальные претензии, группы социального действия, культурно-языковая политика, социокультурный феномен, поздняя современность

Для цитирования: Дегтярев А.К. 2022. Языковой национализм как социокультурный феномен. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47 (2): 219–229. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-219-229

Language Nationalism as a Socio-Cultural Phenomenon

Alexander K. Degtyarev

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (SPI)
132 Prosveshchenie St, Novocherkassk, Rostov Region 346428, Russia
E-mail: rse1985@mail.ru

Abstract. linguistic nationalism is a sociocultural phenomenon of modern society that has not been studied in scientific discourse, since it cannot be "decoded" at the level of fruitful, but specialized sociolinguistic works that do not pretend to socio-philosophical understanding. Within the framework of the presented article, based on the definition of linguistic nationalism as a "branch" of the development of nationalism in the era of late modernity, a very important provision is substantiated about the transition from ethnic nationalism to linguistic nationalism based on the action from "socio" to culture, in contrast to ethno-nationalism, which makes language the "substance" of an ethno-national state. It is concluded that linguistic nationalism is not a "harmless version" of nationalism, since at the level of socially marginal groups it becomes an instrument for obtaining social preferences through the national language and can be a source of tension in interethnic relations, especially in the conditions of the formation of multinational and multicultural states.

Keywords: linguistic nationalism, ethnic nationalism, social claims, social action groups, cultural and linguistic policy, socio-cultural phenomenon, late modernity

For citation: Degtyarev A.K. 2022. Language Nationalism as a Socio-Cultural Phenomenon. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47 (2): 219–229 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-219-229

Введение

На исходе XX века немецкий социолог У. Бэк обратился к проблеме «другого модерна», что подвигло исследователя на внимание к процессам, которые по линейной схеме не предвещали сомнений в закреплении политики модернизации на фоне свершений научно-технической революции. Объясняя актуальность своей позиции, У. Бэк отметил беспокойство по поводу того, что рухнет мир XIX в., но мы видим, что переживаем действительность после буржуазной эпохи [Бэк, 2000]. Делая вывод о том, что современность является рефлексивной модернизацией, он обосновал методологические сомнения по поводу принятия как базисных в современном обществе идей рынка, демократии, прогресса. В центре его исследований представилось социальная архитектура, политическая динамика и многообразие культурных притязаний.

Чтобы «правда вопросов» не взяла верх над «правдой ответов», определимся с тем, что для нас является обоснованным исследовательским интересом в контексте современного общества в России и в мире. Отметим, что российское общество вступило в период поздней современности (исчезновение традиционных базовых классов, детрадиционализация жизненного уклада, многокультурность), особенность которого в том, что социокультурная динамика теперь в меньшей степени определяется воздействием внутренних факторов, связанных как с глобализацией, точнее постглобализмом, так и с перманентными процессами дезинтеграции и интеграции общественной жизни. Мы обосновано полагаем, что это и есть целесообразность нахождения феномена, референтного и к современности в мире, и к российской действительности. Таковым можно определить языковой национализм как социокультурный феномен современности.

Почему для нас важным является рефлексия языкового национализма, который в классической схеме Э. Кедури является исходным принципом создания национального государства и национализма как идеологии, «нации» – органической общности (Кедури, 2010). Ответ на этот вопрос не может быть безукоризненным в связи с тем, что национализм является «протоидной» идеологией, обладает различными источниками происхождения и формирования, что часто порождает мысль о множественности национализма. Вместе с тем есть определенные теоретические посылки, позволяющие рассматривать национализм как содержащие параметры идеологии современности (модерна). Это определяется генезисом и логикой: «старт» национализму дан в эпоху французской революции, закреплён в событиях «весны народов» второй половины XIX в. и обретает новые импульсы в XX в. Конец XX в., согласно позициям У. Бэка и Э. Хабермаса – немецкого философа с концепцией модерна как незавершенного проекта, вносит изменения в «знакомый» мир представлений о роли идеологии в современности.

От национализма в достаточной степени тезис о конце идеологии значимых схем социальной мобилизации, социальной консолидации, имеющих базовое значение для национального государства. В этом контексте национализм, для которого национальное государство есть и «очаг», и способ существования и самоорганизации нации, входит в состояние «непреднамеренных рисков». Речь идет о том, что в контексте детерриториализации, сужение или в определенной степени отмирание национального государства под влиянием глобализации мировой экономики, политических отношений и активности транснациональных и наднациональных структур сужается сфера влияния и, соответственно, вос-

требованности национализма в общественно-политическом дискурсе как идеологии суверенитета, идентичности и воспроизводства приемственности. Языковой национализм как социокультурный феномен современного общества является, используя известное марксистское представление о превращенной форме, – «кажимостью», феноменом, по выражению Канта, воображения, воспроизводства атрибутов классического национализма, но по существу «конструкта социо», групп социального действия, ориентированных на защиту сбережения языка как возможности выразить через культурные притязания социальные и социально-политические цели.

Подчеркивая, что целью нашего анализа не является оценка актуального состояния и перспектив языковой политики российского государства как составной части концепции национальной политики, включающей в единый процесс формирования российской политической нации и развитие этнокультурных и культурно-языковых запросов народов России, мы полагаем, что актуальность языкового национализма определяется двумя факторами: социокультурной динамикой национализма, которая содержит различия по сравнению с классическим национализмом эпохи модерна (XIX в. – пер. пол. XX в.), и состоянием межнациональных отношений в российском обществе, где языковой вопрос является индикатором социальных настроений.

Методология исследования

Нет сомнений в том, что теоретический ресурс исследования национализма обширный и содержит сформировавшиеся зрелые методологические подходы. Но не останавливаясь на идеи полноты концептуализации национализма как идеологии, обратимся к изменениям в социальной архитектуре и культурных смыслах, характеризующих национализм в современном обществе. На наш взгляд, на этом пути есть ясные методологические барьеры, связанные с тем, что в условиях глобализации национализм предопределенно объявляется этническим и исчезают маркеры классификации национализма на политические, гражданские, культурные. С другой стороны, то, что мы желаем определить как языковой национализм, для исследователей может представляться конъюнктурным, инструментальным в рамках реализации политических целей или уходящим на периферию общественного внимания влиянием новых навязываемых общественному сознанию (гендер, климатические изменения). Поэтому методология исследования языкового национализма требует конкретных методологических упущений, связанных с реконструкторизацией базовых понятий, таких как «национализм», «современное общество», «социокультурный феномен».

Принимая в качестве базового принцип рефлексивности, деобъективации, «понятий как конструируемых в рамках теоретического воображения», мы обращаемся к языковому национализму как к ветви развития национализма на основе перехода от социо к культуре, понимая под социо совокупность институциональных норм и социальных запросов, под культурой – мир особых нормативных порядков и форм осуществления деятельности и образов сознания (Культурология СПб 1997 с. 204). Обращаясь вновь к пониманию языкового национализма как социокультурного феномена, мы делаем выбор на социокультурном подходе, но не в традиционном смысле как части системного анализа: принцип деобъективации как доминанты исследования ориентирует на «распредмечивание» языкового национализма по меркам феноменальности, так как языковой национализм не претендует на субстанциональность, этернальность и выражается в сфере социальных установок, направленных на социально-фиксированные цели. Для языкового национализма «национальный» не является фундаментальной ценностью, не может быть сравним с нацией в классическом национализме.

Основываясь на этом положении, мы предполагаем, что в обществе поздней современности, которое является состоянием незавершенности модерна, деконструкции таких универсальных ценностей, как прогресс, демократия, рынок, рациональность и определяет

мир модерна как традиционность в пользу выбора демократии меньшинств, мультикультурализма. Есть необходимость воспринимать языковой национализм в контексте рефлексивности, виртуализации массового сознания на позициях групп социального действия, для которых язык является выражением оборонительной идентичности, содержащей не части государства и завоевания власти, а как писал А. Турен, французский социолог, автор концепции «Возвращение человека действующего» (Турен А. Возвращение человека действующего. М. 1998. с. 49), приведение в действие культурных механизмов для реализации через дискурс национального языка групповых и интергрупповых интересов.

В этом смысле концепция незавершенного проекта модерна Лю Хабермаса является объяснительной. Определяя философский дискурс о модерне в контексте интересубъективности, выработки коммуникативной рациональности как апологии и завершенности модерна, немецкий философ в своих политических работах делает интересные и содержательные замечания об отнесенности культурного модерна и модернизации общества, о том, что растет дистанция между культурой специалистов (экспертов) У. Уверхобэк и широкой публикой. Отказ от универсальных ценностей, провозглашенных эпохой Просвещения, определяет динамику национализма, генетически связанного с культурой.

В этом контексте методологически обоснованным является следование позиции Хабермаса как включающей национализм в самосознание модерна на положении «бастарда» и позиции рационализма – «новые следствия религии». Разумеется, языковой национализм рефлексирован как кризис современного общества, как следствие того, что постулаты рациональности все более отдаляются от жизненных порядков различных групп действия, квалифицируемых как «широкая публика» (Хабермас Ю. Политические работы, 2005 с. 23). Важная когнитивная интерпретация, заданная Хабермасом, заключается в том, что жизненный мир (пространство групп социального действия) не может быть выведен из состояния оцепенения через утверждения экспертного знания. Поэтому социокультурный подход как соединяющий «социо» и «культуру» ориентирует на понимание языкового национализма как способа действия на основе отказа от экспертного знания и большой политики в контексте запада, демократии в пользу принятия дискурса национального языка для провозглашения собственных независимых от большой политики целей.

Иными словами, перевод на национализм из сферы идеологии большой политики, «идеологии народов» в сферу субполитики форм деятельности, ориентированной на актуализацию частных политических принципов для защиты своих интересов в сложившейся ситуации демократии меньшинств. Избранная теоретико-методологическая схема исследования языкового национализма как социокультурного феномена поздней современности, как мы выявили, определяет выбор принципа субъектности, реализуемого в социокультурном подходе, где базовым условием является комплиментарность социальных (структурных) и культурных (дискурса) факторов. Это результируется в систему морфогинеза действия социальной мобилизации, в которой переплетаются структурные детерминанты и субъектные характеристики действия (Россия трансформирующаяся, 2001 с. 329).

Эволюция национализма как идейно-политического движения, оформившегося интеллектуально к концу XIX в., организационно к середине прошлого века, требует от понимания языкового национализма факта «языка» как конституирующего условия достижения национального суверенитета. Но как мы отметили ранее, поздняя современность являет собой картину сужения сферы действия национальной государственности, сложности воспроизводства идеологии эпохи современности (модерна), и в этом отношении национализм испытывает влияние, сопоставимое с альтернативными классическими идеологиями (либерализмом, социализмом, консерватизмом).

Исходя из этих положений, рассмотрение языкового национализма как ветви развития национализма в поздней современности определяется трансформацией формулы национализма от действия к культуре. Социоструктурные детерминанты, определяющие формирование групп действия, коллективов, нацеленных на защиту культурно-языковых

форм как способ достижения определенных социальных предпочтений, имеют в основании доминирование статуса меньшинств с их доступностью политическим и социальным механизмам и возможностью актуализации консолидационного потенциала в рамках социальной конкуренции с «энергетическими» группами. Поэтому ситуация с языковым национализмом в обществе поздней современности представляет изменчивую конфигурацию социальных и культурных факторов, как отмечал Ю. Хабермас в обосновании философского дискурса о модерне, современность, ориентированная на исторически ответственную активность, получает некоторый перевес над прошлым (Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. 2008 с. 37).

Языковой национализм, хотя и обнаружил повышенную активность в краткосрочный период (конец XX в. – начало XXI в.) и не может сравниться по временным масштабам и охвату мобилизованных масс с «весной народов» XIX в., является предвестником перехода языкового национализма в состояние смысловой доминанты националистической идеологии и националистических движений.

Обращаясь к социально-политической конкретике, практикам национализма в восточной и западной Европе на постсоветском пространстве и в странах третьего мира, мы не можем игнорировать обстоятельства идеологической транзитуции, сосуществования классических и неклассических форм национализма, воспроизводства этнического национализма в странах Восточной Европы и третьего мира и переход к языковому национализму в пределах старой Европы.

Анализируя национализм в национальных государствах, авторы монографии «Национализм в поздней и посткоммунистической Европе» (2010 с. 9), отмечают, что речь идет о так называемом втором национальном возрождении. Правда, при этом они вынуждены признать, что теоретически нельзя считать обоснованным факт повторения периода расцвета национализма, выполнившего миссию объединения наций и государства. Здесь они вынуждены считаться с тем фактом, что этнический национализм, реализующий тоталитарные или авторитарные цели (У Альтермат), становится популярным у широкой аудитории и овладевает умами политиков при условии отсутствия объединенности в политическую общность, и в этом отношении, когда слабо действуют демократические нормы, национализм может представляться наиболее своевременным и результативным способом достижения политических целей. Это противоречит сложившейся реальности многонациональных и многокультурных государств (такими реально становятся государства Европы), но не исключает, а напротив, стимулирует стремление создать монолитное этнонациональное государство, как мы это видим на примере Украины, стран Прибалтики и Балкан.

Следует обратить внимание на то, что проект украинского этнонационального государства имеет истоки в украинском этническом национализме конца XIX – середины XX вв., где неслучайно нашли воплощение идеи украинской нации как ориентированной на миссию духовности (униатства), сплоченности (борьба за независимость), свободы (руссофобия и в какой-то степени полонофобия). Важно понимать, что украинский этнический национализм является радикальной формой классического национализма, где языку отведена роль инструмента этнитизации политического режима, ассимиляции национальных меньшинств и борьбы в современном политическом и геополитическом контекстах с наследием советского прошлого.

Есть, правда, один важный момент, который, несмотря на провозглашенный курс на евроинтеграцию, делает Украину несостоявшимся государством, практически потерявшим собственный национальный суверенитет, – использование Украины коллективным Западом в качестве инструмента собственной политики превратило ее в общество, где доминируют националисты, удобные как носители идей руссофобии и закрепления за Украиной роли антироссийского корпоста, но не принимаемые в качестве полноправных участников процесса евроинтеграции. Это отступление полезно для того, чтобы понять бесперспек-

тивность классического национализма в рамках поздней современности, сужения его действия до инструментальных масштабов, и обретение реальности языковым национализмом, который используется для политических целей, как это наблюдалось во всплеске каталонского сепаратизма, в росте настроений автономизма во французских регионах (Корсака, Бретань).

Однако вполне обоснован вопрос о том, в чем причины спонтанности и кратковременности движений культурного национализма. Исходя из принципа субъектности социокультурного подхода, отметим, во-первых, группы языкового национализма фиксируют «возвращение» субъекта действующего (Турен А. Возвращение человека действующего. 1998. с. 12), но не обрели контуры организованности. Это является следствием дефицита дискурса, позволяющего актуализировать установки на язык как определитель социальной мобилизованности. Также следует подчеркнуть, что группы, адресаты языкового национализма (жители европейской провинции, мелкая и средняя буржуазия) испытывают влияние ограничивающих факторов, связанных с перехватом идей языкового национализма системными политическими партиями, которые актуализируют правопопулистские лозунги в целях сохранения или приумножения базы электората, недопущения входа в политику новичков и в не меньшей степени оттеснения языкового национализма на периферию социально-политической жизни. Это ярко проявилось в траектории движения за суверенитет Каталонии, где, несомненно, решающую роль играли социальные, экономические и политические факторы, имеющие историческую и актуальную событийность. В современном испанском обществе реально достигнута степень государственной децентрализации и автономии культурной и языковой сферы в рамках реформ, проводимых в пост-франкистский период, и стремление политиков провозгласить суверенитет Каталонии в процессе сепарации от испанского государства (испытал спад в период перехода к формуле создания каталонского государства), не учитывая, что каталонцы как политическая нация входят в состав испанского общества как этническое сообщество, замкнутое в культурно-языковом пространстве. То есть в Каталонии не мог быть воспроизведен классический этнический национализм, а цели языкового национализма не могли найти воплощение в силу того, что адресаты языкового национализма не стали самостоятельной и влиятельной политической силой.

Анализируя данное положение, следует сделать вывод о том, что в перспективе языковой национализм может развиваться, если, и в этом мы соглашаемся с Э. Смитом, эпоха примордиалистов и инструменталистов относится к предшествующему периоду современности (Смит Э. Национализм и модернизм. М. 2004 с. 385). Языковой национализм, если представляет интерес для политических элит как набор культурных ресурсов, приводит к политизации культуры, к тому, что национальный язык становится жертвой политических конфликтов и политических соглашений. Следовательно, отмечает Смит, мы можем сделать вывод о том, что особенность языкового национализма как социокультурного феномена состоит в том, чтобы этническую группу сделать национальностью, конкурирующей на политической сцене.

Но языковой национализм как адресат отмеченных уже социальных групп не может пройти данного превращения: являясь превращенной формой социальной фрустрации, ориентированность на сохранение и рост авторитета родного языка обязывает к тому, что дискурс языка определяется социокультурной средой, но в условиях, когда молодые поколения испытывают влияние глобализации и в действие вступают новые социальные дискурсы, получить импульс ускорения языковой национализм может только при презентации в обществе языковой дискриминации. Она проявляется в форме неконкурентности носителей языка по отношению к «двуязычным» или «многоязычным», когда молодежь, вступая в социальную жизнь, сталкивается с неравенством шансов с обладателями языковой компетентности в рамках образовательного и культурно-символического капитала. Ситуация усложняется и тем, что действует политика перевода социальных различий в

культуре (Расизм, ксенофобия, дискриминация. 2013. с. 163). Другими словами, по мнению Э. Балибара и И. Валлерстайна, возникает социальная дискриминация на основании этнических классификаций. Это находит отклик у «новых средних классов», сфера доходов и квалификаций которых сужается в обществе поздней современности, и культурный аргумент владения языком становится схемой консолидации на основе перехода от преимуществ на принципах классовой эксплуатации к преимуществам как следствию низкой квалификации и низких доходов групп (новых средних классов или по Э. Балибару, или традиционалистов по логике модернизма), недостаточно интегрированных в общество по языковому национализму (эта тема достаточно отчетливо проявляется по отношению к мигрантам). И в том, и в другом смысловых контекстах важно выделить общее: ориентированность на язык как способ достижения социальных целей.

Немаловажную роль здесь играет языковая политика государства, которую можно отнести к «социо», так как проявляется структурная детерминированность языковой активности групп действия. Российский исследователь В.Л. Малахов, выявляя встречное влияние национальных государств как конструкторов классического национализма и культурного плюрализма – факта поздней современности, пишет о том, что языковая и символическая политика определяется тем, на какую модель нации ориентированно государство (этническую, гражданскую, политическую) (Малахов В. Л. Национальное государство перед лицом культурного плюрализма. Логос № 53, 2006. с. 88-91): «Можно с определенной степенью уверенности говорить о том, что в этнической модели нации действует языковая сегрегация, которая внешне наделяет меньшинства преимуществами в рамках добровольности владения доминантным языком, но в реальности вызывает постоянное напряжение, определяемое тем, что демонстрируемое преимущество создает больше проблемных ситуаций, чем успехов». Предлагаемый мультикультурализм в рамках этнических моделей вызывает недовольство со стороны групп действия, требующих введения обязательной языковой политики. Как подчеркивает В.Л. Малахов, в гражданской (политической) модели нации речь идет о проявлениях языкового национализма как националистического популизма, где гражданская демократия характеризуется ориентацией на изоляцию языковых радикалов, имеющей основания в интолерантности общества к проявлениям языкового национализма как версуса этнической модели нации.

В этом смысле языковой национализм может получить поддержку в ситуации «артикуляции культурных различий в публичной сфере», дискуссии о правомерности принимаемых судебных или административных решений относительно культурного разнообразия (символический пример – ношение хиджаба), что резонирует, соотносится с допустимыми границами относительно использования национального языка и языка национальных меньшинств. В публичной сфере языковой национализм выражается в ориентированности на принятие владения национальным языком как свидетельства гражданской и политической лояльности национальных меньшинств.

Таким образом, языковой национализм в обществе поздней современности, если мы рассматриваем Европу как социокультурный регион, содержит тенденцию изменений в классической схеме национализма, связанного с национальными государствами, коллективными общностями (народ, нация) и переходом в условия культурного разнообразия в сферу субполитики, деятельности групп действия, которые в условиях отказа от универсальной ценности национального языка определяют свои социальные притязания сложившимися культурно-языковыми традициями. Эти традиции, определяемые статусом национальных языков, как отмечает В.Л. Малахов, различаются в Канаде и Франции. Не менее важный вывод заключается в том, что языковой национализм характеризует разрыв с традицией «язык как субстанция национальной государственности» и становится инструментальным. Это выявляется недостаточно очевидно, так как социальные предпочтения групп действия не являются обязательно одобряемые на уровне общественной под-

держки: обращение к защите национального языка делает возможным отклонение обвинений в групповом иудаизме и националистическом популизме.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что языковой национализм как социокультурный феномен общества в поздней современности создает качественно новую ситуацию в траектории национализма как идеологии, трансформируясь в малый норатив, входящий в систему идеологического многообразия по существу, но требующий внимания к возможности роста на языковой почве социального радикализма и критики языковой толерантности в рамках ее подозрения в замещении традиционных ценностей, собственных группам действия. Особенность становления языкового национализма в современном российском обществе вполне закономерна и предсказуема, так как, в отличие от европейской истории, в России, в силу ее предимперского или имперского состояний, язык не являлся конституирующим фактором (если вспомнить «зисилие» французского в 18–19 вв. и наделение русского языка статусом языка государственного в 19 в.); его роль в консолидации элит состоит в том, что американский исследователь М. Уолцер охарактеризовал как «придание однозначной надэтнической идентичности». Так называемая политика русификации в поздний имперский период преследовала двуединую цель. С одной стороны, языковая политика, направленная на вхождение в мир русского языка, была связана с необходимостью создать государственный организм с ограничениями использования языкового вопроса для течений сепаратизма. В этом смысле референтен «польский вопрос», где политика Петербурга по отношению к полякам определялась приоритетами приведения в состояние минимальной лояльности, нацеленности на то, чтобы университеты и элиты перестали быть источником постоянных угроз для государств. Как сравнение, в Финляндии, входившей в состав Российской Империи, языковая политика являлась либеральной, и официальной российской властью делались усилия как раз для финляндизации, сужения сферы шведского языка, который ставил финское население в зависимое положение. Таким же образом можно говорить о том, что благодаря прибалтийские народы испытывали не молот русификации, а для них жизненно важным являлось освобождение от «немецкого наследства». Аналогичный процесс, без тяжелого давления «молота русификации», проходили и прибалтийские народы – для них жизненно важным являлось освобождение от «немецкого наследства». Относительно других народов империи можно говорить о том, что русский язык переход к русскому языку определялся задачей интеграции элит, но практически не затрагивал основную массу населения.

Исторически сложившийся языковой контекст имел последствием бесперспективность этнического национализма, но в той же степени являлся рискогенной зоной для межнациональных отношений внутри России. Этнонационалистическая риторика, свойственная националистам на территориях «русской Польши», Финляндии, Грузии, способствовала тому, что русский национализм в политическом пространстве являлся «слабым», не принимал массового характера, отклонялся левыми и правыми и не вызывал поддержки со стороны имперской бюрократии. Попытки представить феномен черносотенства как проявление радикального этнического национализма (У. Лакер, В. Янов) является идеологически-тенденциозным, так как при изображении черносотенцев националистической массы, забывается, что их деятельность была направлена на поддержку монархии, на борьбу с бюрократией, либералами и социалистами, но не являлась «классическим национализмом».

Другими словами, национализм в период имперской истории занимал маргинальное положение в российском обществе, и усилия новой большевистской власти, связанные с переходом от России как тюрьмы народов к России как союзу народов, определялись задачами построения многонациональной государственности, в которой социалистические нации становятся в контексте коренизации равными и ответственными участниками социалистического строительства. Проводя национальную политику в контексте коренизации,

советские организации и учреждения рассматривали национальный язык и в пропагандистских целях как свидетельство внимания к национальным культурам или национальным кадрам и в рамках идейно-политического противоборства с буржуазным национализмом. С учетом того факт, что за пределами России существовали значительные этнонациональные группы (Польша, Румыния, Чехословакия), языковая политика являлась частью строительства социалистических наций, и ее проведение зависело от сложившихся политических обстоятельств. Таким образом, под запрет попадали проявления буржуазного национализма и великорусского шовинизма, квалифицируемые как отступление и извращение официальной национальной политики, особенно в сфере языка.

Данный момент символичен тем, что в определенной степени объясняет «наследство» предшествующего советского периода и включает теоретико-интеллектуальный контекст языкового национализма как социокультурного феномена современного российского общества. Следует предположить, что культурно-языковая политика советского государства реально обеспечила рассвет национальных культур, создание письменности для народов бывшей Российской империи, и нельзя это достижение придавать забвению или строить оправдание схем деруссификации, принявшей обвальный характер после распада советского союза в новых государствах, взявших курс на построение этнонациональной модели государственности. В актуальности можно говорить о двух равнонаправленных тенденциях в развитии языкового пространства в отношениях между Россией и ближним зарубежьем. С одной стороны, есть стремление под знаком многовекторности сузить сферу обращения русского языка, как под влиянием внутренних причин (деятельность политических элит), так и внешних (языковая экспансия), заинтересованных в расширении сферы влияния политических союзов внешних сил (Румыния, Турция). С другой стороны, процесс экономической интеграции, поддержание стабильного межнационального мира формируют запрос на сохранение русского языка как языка межнационального общения.

Какое это отношение имеет к языковому национализму, который, как мы выяснили, является ветвью развития национализма в условиях поликультурных государств европейского континента? Отмечая, что в России русский язык является государственным и одновременно языком межнационального общения, мы исходим из того, что возможности языкового национализма в европейском варианте для России не являются очевидными. Есть проблема культурно-языковых инноваций в различных сферах общественной жизни и на уровне быденного общения: избыточная глобализация языкового пространства, формирование новых сленгов, особенно на уровне молодежных субкультур, снижение культуры языка под влиянием ухудшения качества преподавания русского языка и литературы на массовом уровне, интернет-пространства, в которых очевидно возникновение языковых симуляторов.

В целом в российском обществе проявляется озабоченность о судьбе русского языка и языков народов России, и эту озабоченность следует разделять с проявлениями этнократии в российских республиках, попытках утвердить статус титульного народа или перестроить систему базового образования по модели доминирования национального языка. Также определенное влияние, особенно в начале 90-х гг., получили идеи современных почвенников (произведения писателей В. Белова, Дм. Балашова, Вал. Распутин). Однако отмеченные тревоги по поводу русского языка не результировались в массовое движение с признаками языкового национализма. Русский язык действительно литературоцентричен, является мировым культурным наследством и, благодаря авторитету Д. Лихачева, С. Аверинцева, Ю. Лотмана, языковой национализм не стал значим интеллектуальным явлением и сконцентрирован в социально-бытовой сфере, являясь производной от

реактивного поведения населения по отношению к проблемам внешней миграции, «анти-московским» настроениям в форме неодобрения и неприятия культурно-языковых инноваций в СМИ и интернете.

Однако культурная языковая политика российского государства в рамках Стратегии национальной политики, принятой в 2012 г., основывается на упрочении общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонациональных народов России, с другой, сохранения и развития этнокультурного разнообразия народов России: в изложенном контексте для языкового национализма, который инструментален и является адресатом социально-маргинальных групп (имеющих транзитивный социальный статус), объективно находится в состоянии «культурного гетто». Имеется ввиду, что перспективы для наращивания влияния языкового национализма на интеллектуальную ситуацию в обществе не просматриваются, но здесь следует подчеркнуть, что нарушения сбалансированности культурно-языковой политики, перекося в сторону развития этнокультурного многообразия народов на основе конструирования «новых идентичностей» или этнического «реваншизма» могут стимулировать этнизацию языкового национализма, возвращение к состоянию культурно-языковых конфликтов как формы выражения глубинных дезинтеграционных процессов в российском обществе. Поэтому есть необходимость мониторинга национальной политики, верификации ее результатов соответственно заявленным целям культурного многообразия и духовной общности народов России (Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта. М. 2016. с. 59).

В целом можно говорить о том, что языковой национализм как социокультурный феномен современного общества характеризует кризис идеологии этнонационализма, являясь превращенной формой группового «частного» национализма, социальных групп, ориентированных на социальные преференции через защиту национального языка. Это, с одной стороны, является «оборонительным» национализмом, так как направлена на сохранение национального языка в качестве альтернативы политики мультикультурализма государства. Но есть и другой, менее «респектабельный» момент, определяемый тем, что языковой национализм имеет свойство стать формой социальной дискриминации, вводя в общественный дискурс языковую сферу как пространство бинарности «традиционной современности» и формируя конфликт интересов общества и групп языковой мобилизации.

Для современного российского общества, многонационального и многокультурного, доминантой является сохранение духовной общности на основе русского языка как языка межнационального общения и развитие этнокультурного разнообразия народов России через традицию языкового равенства и солидарности национальных языков, что делает актуальным в научном дискурсе нейтрализацию языкового национализма, учитывая имперский, советский и постсоветский периоды развития российского общества: признание исторической обусловленности многокультурности России определяет обоснованный интерес к поиску дискурса российской идентичности на основе баланса традиций и инноваций в языковой сфере.

Список литературы

- Бэж У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. М., Прогресс-традиция, 381 с.
Кедури Э. 2010. Национализм. СПб., Алетейя, 136 с.
Культурология. XX в. 1997. СПб., Университетская книга. 640 с.
Малахов В. Л. 2006. Национальное государство перед лицом культурного плюрализма. Логос, 53: 88–91.
Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. 2010. М., РОССПЭН, 695 с.
Волков Ю.Г., Бедрик А.В., Войтенко В.П., Вялых Н.А., Дегтярев А.К., Денисова Г.С., Лубский А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В., Чернобровкин И.П. 2016. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта. М., Социально-гуманитарные знания, 422 с.

- Расизм, ксенофобия, дискриминация. 2013. М., Новое литературное обозрение, 384 с.
Смит Э. 2004. Национализм и модернизм. М., Праксис. 464 с.
Турен А. 1998. Возвращение человека действующего. М., Научный мир, 204 с.
Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. М., Весь мир. 416 с.
Хабермас Ю. 2005. Политические работы. М., Праксиз, 368 с.

References

- Bek U. 2000. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [The Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow, Publ. Progress-traditsiya, 381 p.
Keduri E. 2010. Natsionalizm [Nationalism]. SPb., Publ. Aleteya, 136 p.
Kul'turologiya. XX v. [Culturology. 20th century] 1997. SPb., Publ. Universitetskaya kniga. 640 p.
Malakhov V. L. 2006. Natsional'noye gosudarstvo pered litsom kul'turnogo plyuralizma [The Nation State in the Face of Cultural Pluralism]. Logos, 53: 88-91.
Natsionalizm v pozdney i postkommunisticheskoy Yevrope [Nationalism in Late and Post-Communist Europe]. 2010. Moscow, Publ. ROSSPEN, 695 p.
Volkov Yu.G., Bedrick A.V., Voitenko V.P., Vyalykh N.A., Degtyarev A.K., Denisova G.S., Lubsky A.V., Posukhova O.Yu., Serikov A.V., Chernobrovkin I.P. 2016. National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience. M., Social and Humanitarian knowledge, 422 p.
Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya [Racism, xenophobia, discrimination]. 2013. M., Publ. Novoye literaturnoye obozreniye, 384 p.
Smit E. 2004. Natsionalizm i modernizm [Nationalism and Modernism]. Moscow, Publ. Praksis. 464 p.
Turen A. 1998. Vozvrashcheniye cheloveka deystvuyushchego [The Return of the Acting Man]. Moscow, Publ. Nauchnyy mir, 204 p.
Khabermas Yu. 2003. Filosofskiy diskurs o modern [Philosophical discourse on modernity]. Moscow, Publ. Ves' mir. 416 p.
Khabermas Yu. 2005. Politicheskiye raboty [Political works]. Moscow, Publ. Praksiz, 368 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.08.2021

Поступила после рецензирования 13.11.2021

Принята к публикации 12.02.2022

Received August 13, 2022

Revised November 13, 2022

Accepted February 12, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегтярев Александр Константинович, доктор философских наук, профессор кафедры юриспруденции, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander K. Degtyarev, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of Jurisprudence, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia